

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ*

Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 59–68
North Caucasus Legal Vestnik. 2025;(2):59–68

Цифровизация избирательного процесса: перспективы и риски

Научная статья
УДК 342.8
EDN [DJCDQG](#)

Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права

Светлана Владиславовна Петрова

Сочинский государственный университет, Сочи, Россия,
solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Аннотация

Введение. В условиях цифровой трансформации публичной власти область реализации избирательных прав приобретает новое правовое измерение, требующее конституционно-правового переосмысления. Дистанционное электронное голосование становится правовой формой реализации активного избирательного права, при этом его юридическая природа и допустимость должны оцениваться с точки зрения соответствия базовым конституционным принципам. Расширение цифровых механизмов волеизъявления граждан влечет необходимость строгого нормативного закрепления гарантий свободы, равенства и тайны голосования.

Цель. Конституционно-правовой анализ дистанционного электронного голосования как формы реализации активного избирательного права в условиях масштабной цифровой трансформации публичной власти.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают правовые последствия внедрения электронных форм волеизъявления, а также их соответствие основополагающим принципам демократического избирательного процесса. В качестве основных источников использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, правовые позиции Конституционного Суда РФ, зарубежная судебная практика (в частности, прецедент BVerfG 2009 г.), а также научные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам цифровизации публичной власти и избирательных процедур. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-системный и институциональный методы.

Результаты. В ходе анализа заявленной темы установлено, что действующее законодательство в области дистанционного электронного голосования носит фрагментарный характер, не обеспечивает достаточного уровня правовой защиты граждан, определенности, прозрачности и процедурных гарантий. В статье обоснована необходимость комплексной правовой и организационной модернизации избирательного законодательства с целью согласования инновационных технологий с фундаментальными конституционными принципами. Дистанционное электронное голосование рассматривается как важный и необходимый, но рискованный инструмент электоральной модернизации, реализация которого требует институциональной системности, нормативной четкости и высокого уровня цифровой достоверности.

Выводы. В условиях цифровой трансформации публичной власти дистанционное электронное голосование представляет собой не только технологическое новшество, но и институциональный вызов, требующий системного конституционно-правового осмысления.

© Петрова С. В., 2025

* В данном разделе опубликованы статьи, написанные авторами в рамках совместного тематического проекта с научными журналами: «Журнал политических исследований» и «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Дальнейшее развитие института электронного голосования должно основываться на конституционной модели выборов, ориентированной на обеспечение публичного доверия, юридической предсказуемости и правовой ответственности. Концептуальный подход к цифровизации выборов требует согласования технологических решений с фундаментальными конституционными принципами, что предполагает не запрет, а нормативную интеграцию инноваций в рамки правового государства.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательное право, цифровизация, конституционные принципы, тайна голосования, свобода волеизъявления, равенство кандидатов, правовая определенность, легитимность выборов, избирательная инженерия, цифровая демократия, цифровое неравенство, нормативное регулирование

Для цитирования: Петрова С. В. Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 59–68. EDN [DJCDQG](#)

Digitalization of the electoral process: prospects and risks

Original article

Constitutional and legal challenges of electoral digitalization: remote electronic voting in the focus of law

Svetlana V. Petrova

Sochi State University, Sochi, Russia, solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

Abstract

Introduction. In the context of the digital transformation of public power, the field of exercising electoral rights is acquiring a new legal dimension that requires a constitutional and legal rethink. Remote electronic voting is becoming a legal form of exercising active suffrage, while its legal nature and permissibility should be assessed in terms of compliance with basic constitutional principles. The expansion of digital mechanisms for the expression of citizens' will entails the need for strict regulatory enforcement of guarantees of freedom, equality and secrecy of voting.

Purpose. Constitutional and legal analysis of remote electronic voting as a form of implementation of active suffrage in the context of a large-scale digital transformation of public power.

Materials and methods. The object of the study is the legal consequences of the introduction of electronic forms of expression of will, as well as their compliance with the fundamental principles of the democratic electoral process. The main sources used are the normative legal acts of the Russian Federation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, foreign judicial practice (in particular, the precedent of the BVerfG in 2009), as well as the scientific works of domestic and foreign researchers devoted to the digitalization of public power and electoral procedures. The methodological basis consists of comparative legal, formal legal, logical-systemic and institutional methods.

Results. During the analysis of the stated topic, it was found that the current legislation in the field of remote electronic voting is fragmented, does not provide a sufficient level of legal protection of citizens, certainty, transparency and procedural guarantees. The article substantiates the need for a comprehensive legal and organizational modernization of electoral legislation in order to harmonize innovative technologies with fundamental constitutional principles. Remote electronic voting is considered as an important and necessary, but risky instrument of electoral modernization, the implementation of which requires institutional consistency, regulatory clarity and a high level of digital reliability.

Conclusions. In the context of the digital transformation of public power, remote electronic voting is not only a technological innovation, but also an institutional challenge that requires a systematic constitutional and legal understanding. Further development of the institution of electronic voting should be based on the constitutional model of elections, focused on ensuring public trust, legal predictability and legal responsibility. The conceptual approach to digitalization of elections requires the coordination of technological solutions with fundamental constitutional principles, which implies not a ban, but the normative integration of innovations into the framework of the rule of law.

Keywords: remote electronic voting, electoral law, digitalization, constitutional principles, secrecy of voting, freedom of expression, equality of candidates, legal certainty, legitimacy of elections, electoral engineering, digital democracy, digital inequality, regulatory regulation

For citation: Petrova S. V. Constitutional and legal challenges of electoral digitalization: remote electronic voting in the focus of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(2):59–68. (In Russ.). EDN [DJCDQG](#)

Введение

В последнее время тема цифровизации и внедрения инновационных информационных технологий во все сферы жизни общества стала одним из основных трендов исследования и обсуждения на всех форумах, конференциях и среди представителей экспертного сообщества Российской Федерации. Для действующих политиков вопрос цифровизации находится в практической плоскости, в которой приходится существовать, на которую необходимо ежедневно реагировать. Для научного сообщества – это вопрос функционирования политических процессов и отдельных их направлений (например, избирательных процессов – «цифровой участок», «электронная демократия» и т.п.). И здесь ключевой сложностью является нахождение оптимального сочетания традиционных демократических институтов и использования цифровых технологий в пространстве публичной политики [1, с. 173–176; 2, с. 192–196].

В условиях цифровой трансформации публичной власти область реализации избирательных прав приобретает новое правовое измерение, требующее конституционно-правового переосмысления. Дистанционное электронное голосование (далее – ДЭГ) становится правовой формой реализации активного избирательного права, при этом его юридическая природа и допустимость должны оцениваться с точки зрения соответствия базовым конституционным принципам. Расширение цифровых механизмов волеизъявления граждан влечет необходимость строгого нормативного закрепления гарантий свободы, равенства и тайны голосования. Возникают обоснованные правовые риски, связанные с недостаточной определенностью правового регулирования, ограничением доступа к избирательной инфраструктуре, а также возможностью нарушения принципа равноправия кандидатов. В условиях действия положений ст. 3 и 32 Конституции РФ требуется системный и комплексный подход к правовому регулированию ДЭГ. Представляется обоснованным проведение конституционно-правового анализа допустимости и пределов внедрения электронного голосования в избирательный процесс.

Обзор научной литературы

Современная научная литература демонстрирует возрастание интереса к вопросам цифровизации избирательных процессов и, в частности, к правовым аспектам дистанционного электронного голосования. Исследователи сходятся во мнении, что цифровизация выборов является не просто техническим этапом развития электоральной системы, а представляет собой серьезный институциональный вызов, требующий переосмысления базовых конституционно-правовых принципов.

Так, А. Филиппов подчеркивает, что современная юриспруденция должна учитывать не только традиционные подходы, но и глобальные сдвиги, обусловленные развитием цифрового уклада, что влечет за собой необходимость переосмысления нормативных основ публичной власти и демократического волеизъявления [3]. Эту позицию разделяет и ученый М. В. Ильичева, отмечая, что масштабная цифровизация трансформирует не только формы взаимодействия граждан с государством, но и саму структуру публичной власти, делая ее более сетевой и интерактивной [4].

Цифровизация, как указывает О. А. Ястребов, – это неотъемлемая часть цивилизационного скачка, охватывающая все сферы, включая выборы, где на первый план выходят вопросы правовой определенности, транспарентности и легитимности процедур [5]. В контексте правового регулирования данных процессов С. А. Степанян акцентирует внимание на необходимости соответствия новых форм волеизъявления основополагающим конституционным принципам, таким как равенство, тайна голосования и доверие к результатам [6–7].

Особую обеспокоенность вызывает проблема соответствия ДЭГ принципу свободы выборов. Исследователи, включая А. А. Ларичева и В. А. Ржановского, обращают внимание на утрату институциональных гарантий добровольности голосования в неконтролируемой среде, а также на риски нарушения тайны голосования и цифрового неравенства [8]. В юридической науке существует консенсус в том, что правовая конструкция ДЭГ в России пока остается фрагментарной и недостаточно детализированной, что снижает уровень юридической определенности и предсказуемости [9–10].

Актуальность системного подхода к реформированию нормативно-правовой базы подчеркивается И. А. Брикульским, который указывает на необходимость внедрения правовых стандартов, адаптированных к специфике цифровой среды, включая механизмы цифрового наблюдения, идентификации избирателей и верификации результатов голосования [11].

Обзор научных позиций свидетельствует о формировании в российской и зарубежной научной литературе критического и одновременно конструктивного дискурса вокруг ДЭГ как феномена цифровой демократии. На повестке дня стоит задача поиска правового баланса между инновациями и соблюдением основ конституционного строя, в рамках которого ДЭГ должно развиваться как демократически легитимная и технологически безопасная форма реализации избирательных прав.

Материалы и методы

В основе настоящего исследования заложен комплекс научных методов, обеспечивающих системный и всесторонний правовой анализ ДЭГ как формы реализации активного избирательного права гражданами. Методологическая база включает в себя: сравнительно-правовой, формально-юридический, логико-системный и институциональный методы, каждый из которых был применен на отдельных этапах работы.

На первоначальном этапе был использован формально-юридический метод, позволивший проанализировать действующее законодательство Российской Федерации, включая Федеральный закон от 12.06.2002 № 67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», специальные законы о выборах, а также нормативные акты Центральной избирательной комиссии. В рамках этого подхода была осуществлена систематизация правовых норм, определяющих порядок ДЭГ, с целью выявления пробелов, противоречий и неопределенностей.

Далее применялся сравнительно-правовой метод, с помощью которого исследовано законодательное регулирование электронного голосования в зарубежных странах (Эстония, Германия, Франция, США и др.). Сравнение правовых моделей осуществлялось по следующим параметрам: институциональные гарантии транспарентности, механизмы цифровой идентификации, процедурные формы правового контроля, обеспечение тайны голосования и равенства избирательных прав.

Логико-системный метод использовался на этапе интерпретации правовых норм и их соотношения с базовыми конституционными принципами – свободой выборов, равенством кандидатов, тайной голосования и правовой определенностью. На основе этого подхода были построены аргументы относительно неконституционности текущей редакции отдельных норм, регулирующих ДЭГ, а также предложены концептуальные направления реформы правового регулирования.

Институциональный метод применялся для анализа трансформации правовой природы избирательного процесса в условиях цифровизации. Исследование проводилось с акцентом на изменении роли публичной власти, характера электоральных процедур и принципов демократической легитимности. Особое внимание уделено формированию цифровой избирательной инфраструктуры, распределению компетенций между государственными органами и степени вовлеченности институтов гражданского контроля.

В ходе анализа источников использовались официальные материалы ЦИК РФ, данные зарубежных конституционных судов (например, решение Федерального конституционного суда Германии от 3 марта 2009 г.), а также научные публикации российских и иностранных правоведов. Комбинация указанных методов обеспечила научную достоверность исследования и позволила обосновать выводы относительно конституционной допустимости и рисков институционализации ДЭГ в российской избирательной системе.

Результаты

В условиях развития информационного общества особенно остро встает вопрос о сохранении правовой природы выборов как формы непосредственной демократии. Конституционно-правовая наука сталкивается с задачей переосмысления базовых понятий, таких как легитимность, прозрачность и контроль в новом цифровом измерении. При этом важно учитывать, что техническая модернизация не может подменять собой конституционные гарантии и должна быть им подчинена. Электронное голосование, будучи объектом правового регулирования, должно оцениваться не только с позиции удобства и эффективности, но и сквозь призму обеспечения устойчивости демократических институтов. Вопросы правовой определенности, а также равного доступа и доверия к процедуре голосования становятся ключевыми в дискурсе о цифровой трансформации выборов.

Современное нормативное регулирование нередко отстает от темпов технологического развития, что порождает риски правовой неопределенности и подрыва доверия к электоральным институтам. В этой связи возникает необходимость формирования новых методологических подходов к исследованию соотношения электронного голосования и конституционно-правовых принципов. Настоящее исследование направлено на выявление границ допустимости цифровизации избирательного процесса с точки зрения требований Конституции [6, с. 304–306].

В своем исследовании ученый А. Филиппов справедливо отмечает, что юриспруденция – это сфера не только практической мудрости и не только ремесло, а часть человеческой деятельности, которая тысячу нитями связана с историей авантюры европейского рационализма [3] и динамически меняющийся мировой технологически уклад жизни влечет за собой и переформатирование власти,

а также иного подхода к нормативно-правовому регулированию. В продолжение данной мысли М.В. Ильичева отмечает, что макро масштабная цифровизация всех сфер жизни приводит к кардинальным изменениям не только организаций гражданского общества ну и всего устройства публичной власти, способствует формированию новых форм коммуникации между административными структурами и обществом [4, с. 28].

Важно отметить, что цифровая трансформация – это естественный, необходимый и даже неизбежный процесс технологического развития цивилизации, в его основе лежит поиск инновационных технологий, способных улучшить качество жизни граждан во всех сферах; цифровая трансформация ведет к революционному скачку в цивилизационном развитии общества [5, с. 315–328].

Указанные изменения в полной мере проявляются в электоральной сфере, где цифровизация не только повышает скорость и масштабность обработки избирательных данных, но и трансформирует базовые условия реализации активного избирательного права. Электронное голосование как инструмент цифровой трансформации выборов требует строгой правовой регламентации, соразмерной его потенциальному воздействию на принципы свободных и справедливых выборов [12, с. 165–167]. Внедрение цифровых технологий на стадиях голосования и подсчета голосов обуславливает необходимость проверки их совместимости с императивами конституционного права, включая принципы равенства избирательных прав, тайны голосования, легитимности и подотчетности избирательных процедур [13, с. 465–466]. Правовая среда должна обеспечивать баланс между технологическим прогрессом и сохранением правовых гарантий, закрепленных в Основном законе. В этом контексте цифровизация избирательного процесса выступает не только как средство повышения эффективности голосования, но и как правовая проблема, требующая системного подхода с позиции конституционной допустимости, нормативной предсказуемости и институциональной устойчивости выборов в условиях цифровой реальности. Это – настоящее требование цифровой эпохи и часть модификаций функционирования всей системы институтов электоральной демократии, которая активно развивается в России, ряде иных государств и находится в центре внимания наднациональных органов и организаций [14].

В условиях глобальной цифровизации политико-правовые режимы все активнее интегрируют в избирательный процесс технологии дистанционного голосования, в частности интернет-голосования, которое рассматривается как инструмент модернизации электоральной системы и расширения доступности реализации активного избирательного права. На современном этапе правовой и институциональной апробации данная форма волеизъявления используется, в той или иной степени, в 14 государствах, включая Австралию, Армению, Испанию, Канаду, Мексику, Новую Зеландию, Панаму, Таиланд, Финляндию, Францию, Швейцарию, США, Эстонию и Японию. Во многих из них интернет-голосование осуществляется либо в пилотном порядке, либо в ограниченных масштабах – преимущественно для отдельных категорий избирателей, таких как граждане, проживающие за рубежом, – с целью оценки технологической и правовой устойчивости соответствующих процедур [15].

Особое значение для правовой оценки электронного голосования имеет прецедент из Германии: в 2009 г. Федеральный конституционный суд ФРГ признал неконституционным использование электронных систем голосования, указав на нарушение принципа транспарентности избирательного процесса [16]. Суд обосновал свою позицию тем, что применение компьютерных технологий не позволяет гражданам без специальных технических знаний самостоятельно проверить корректность подсчета голосов, тем самым подрывая легитимность и открытость выборов. Этот случай стал ориентиром для юридических подходов, исходящих из приоритета фундаментальных избирательных принципов над целями технологической эффективности.

Стандарт правовой определенности предполагает, что нормы закона должны быть сформулированы таким образом, чтобы субъекты правоотношений могли ясно понимать как свои права и обязанности, так и правовые последствия своих действий. Особенно актуально это требование в контексте регулирования новых, ранее неизвестных форм волеизъявления, к которым относится ДЭГ. Внедрение новых информационно-цифровых технологий в различные сферы общественной деятельности увеличивает уровень качества жизни, в том числе и цифровизация избирательного процесса позволяет повысить эффективность и результативность этой политической процедуры, но также сопряжено и с рядом рисков и угроз. Это обуславливает необходимость анализа исследования проблем ДЭГ напрямую связанных с защитой избирательных прав граждан Российской Федерации [10, с. 3–10].

В политико-правовом аспекте ДЭГ представляет собой не просто техническую инновацию, а институциональное новшество, затрагивающее основы демократического избирательного

механизма. В отличие от традиционного бумажного голосования, ДЭГ характеризуется высокой степенью цифровой абстракции и технологической опосредованности процедур, что, в свою очередь, требует особой строгости и системности в нормативной проработке всех этапов его осуществления. Отсутствие прямого физического контроля за ходом голосования и подсчета голосов усиливает значение правовых гарантий, направленных на обеспечение транспарентности, верифицируемости и защиты избирательных прав [11].

Однако анализ действующего законодательства Российской Федерации в сфере регулирования ДЭГ выявляет значительные дефекты нормативной конструкции. В частности, положения пункта 14 статьи 64 и статьи 64.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» делегируют Центральной избирательной комиссии право устанавливать порядок проведения ДЭГ, не определяя при этом пределов усмотрения соответствующего органа, а также не фиксируя в законе достаточный объем содержания и процедурных гарантий. Закон фактически абстрагируется от прямого регулирования ключевых элементов ДЭГ, включая механизмы обеспечения тайны голосования, возможности эффективного наблюдения, защиты от внешнего вмешательства, процедур верификации и оспаривания результатов голосования. Такое правовое регулирование не соответствует стандарту правовой определенности и вступает в противоречие с конституционными принципами проведения выборов, закрепленными в статье 3 указанного Закона и в статье 32 Конституции РФ.

Особенно критичной представляется ситуация, в которой положения специальных законов о выборах Президента РФ и депутатов Государственной Думы отсылают к нормам закона общего характера, которые либо регулируют ДЭГ лишь фрагментарно, либо не содержат положений по существу. Подобное законодательное решение нарушает принцип системности правового регулирования и создает нормативную неопределенность, при которой отсутствуют четко зафиксированные правила поведения, а также границы публичных полномочий избирательных комиссий при реализации ДЭГ [9, с. 25–30].

Правовой вакуум, сложившийся вокруг дистанционного электронного голосования, следует квалифицировать не только как правовую неопределенность, но как наличие правового пробела – то есть отсутствие правового регулирования по вопросу, который имеет определяющее значение для содержания и реализации конституционного избирательного права. Согласно правовым позициям, неоднократно сформулированным Конституционным Судом РФ, наличие непреодолимого пробела в законодательстве, касающегося реализации основных прав, является основанием для признания соответствующих норм неконституционными¹. Более того, даже сама по себе правовая неопределенность – без фактического пробела – может служить основанием для вывода о неконституционности, поскольку нарушает требования правовой предсказуемости, юридической безопасности и правовой стабильности².

Одним из центральных конституционно-правовых принципов, подвергающихся трансформации и потенциальному риску нарушения в контексте ДЭГ, является принцип свободы выборов, закрепленный в Конституции Российской Федерации (ст. 3, 32).

Принцип свободы выборов предполагает, с одной стороны, отсутствие внешнего давления на волеизъявление граждан, а с другой – реальную возможность для избирателя реализовать свое активное избирательное право в условиях, исключающих принуждение, давление, контроль или вмешательство третьих лиц [17]. Ключевой характеристикой свободных выборов является автономия избирателя в момент голосования, защищенная как институциональными, так и техническими гарантиями, включая конфиденциальность избирательной воли и независимость процедуры голосования.

В условиях дистанционного электронного голосования данный принцип подвергается целому ряду девиаций.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2005 г. № 10-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56508; Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2010 г. № 5-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203; Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019/

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220701/; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П. – СПС Консультант-плюс. Доступ: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123851/

Во-первых, отсутствует эффективный контроль за соблюдением добровольности волеизъявления в неконтролируемой среде – например, при голосовании из дома, с личного устройства, где избиратель потенциально может находиться под давлением членов семьи, работодателей, иных заинтересованных лиц. В отличие от традиционного голосования на избирательном участке, где организована институциональная защита тайны и добровольности волеизъявления, электронная среда исключает возможность обеспечения подобных условий в равной степени [18, с. 316–322]. Следовательно, де-факто нарушается базовая презумпция того, что акт голосования совершается в условиях полной свободы [8, с. 35–52].

Во-вторых, специфика электронного голосования в цифровой инфраструктуре порождает сомнения в самостоятельности выбора, обусловленные техническими рисками – от уязвимостей программного обеспечения до возможности скрытого вмешательства в процесс передачи и подсчета голосов. Эти аспекты снижают не только субъективное ощущение свободы у самого избирателя, но и объективную проверяемость исполнения принципа свободы выбора, поскольку избиратель не обладает средствами проверки корректности учета своего голоса, а также отсутствует возможность убедиться в том, что его волеизъявление не было искажено.

В-третьих, принцип свободы предполагает равный доступ к реализации избирательного права, что в условиях ДЭГ может быть нарушено вследствие цифрового неравенства – различий в уровне цифровой грамотности, наличии устройств, подключенности к интернету и иных факторов.

В продолжение анализа конфликта между конституционными принципами и дистанционным электронным голосованием необходимо предметно рассмотреть проблему обеспечения тайны голосования, а также связанную с ней угрозу голосования за других лиц, которая прямо затрагивает основу индивидуализированного и свободного волеизъявления.

Принцип тайного голосования является одним из краеугольных конституционных стандартов избирательного процесса, закрепленных как в Конституции Российской Федерации (часть 3 статьи 3), так и в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав...» (статья 3). Он гарантирует, что волеизъявление избирателя должно быть скрыто от любых внешних субъектов, чтобы исключить давление, принуждение, подкуп и иные формы влияния.

Одним из фундаментальных начал демократического избирательного процесса является принцип равенства кандидатов, вытекающий из общего принципа равенства перед законом и гарантируемого Конституцией Российской Федерации (статья 19), а также конкретизированного в избирательном законодательстве (статья 3 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Указанный принцип означает, что все кандидаты должны находиться в равных юридических и фактических условиях при осуществлении избирательной кампании, в частности – в части доступа к избирателям, распространения агитационной информации, взаимодействия со СМИ, контроля за процессом голосования и подсчета голосов.

Однако при внедрении ДЭГ возникают структурные и институциональные риски нарушения данного принципа, связанные как с технологической архитектурой электоральной платформы, так и с непрозрачностью механизма ее функционирования.

Можно выделить две основные формы нарушения принципа равенства кандидатов при ДЭГ: централизация контроля над технологической инфраструктурой и электронная платформа, с помощью которой проводится голосование, как правило, находится в исключительном ведении органов публичной власти или аффилированных технических операторов.

Кандидаты, не обладающие доступом к системам хранения, обработки и трансляции информации, фактически исключены из возможности наблюдать и верифицировать ключевые этапы голосования, что ставит их в неравное положение по сравнению с организаторами избирательного процесса.

Еже одно проявление девиации при цифровизации избирательного процесса – это неравный доступ к информации о ходе и результатах голосования. Если процедура электронного голосования лишена механизма аудита, публичного контроля и верификации, кандидаты не могут на равных условиях оспаривать результаты, фиксировать нарушения, участвовать в судебной защите своих прав. В таких условиях административный ресурс и техническое преимущество могут быть использованы в ущерб равной конкуренции.

В свете выявленных коллизий между фундаментальными конституционными принципами и действующими механизмами дистанционного электронного голосования, очевидной становится необходимость разработки комплекса как правовых, так и политико-управленческих мер, направленных

на минимизацию рисков и устранение нормативных, институциональных и технологических деформаций избирательного процесса.

Во-первых, требуется системная реформа нормативно-правовой базы, регулирующей электронное голосование, с фокусом на восполнение правовых пробелов и устранение правовой неопределенности. Это предполагает кодификацию базовых принципов ДЭГ на уровне федерального закона, а не подзаконного регулирования. В частности, необходимо закрепление детальных процедурных гарантий: идентификации избирателя, обеспечения тайны голосования, протокольного контроля, условий цифрового наблюдения, аудита и верификации результатов. Необходимо закрепление механизмов правового контроля и обжалования, адаптированных к цифровой специфике. Электронный формат не должен исключать возможность своевременного и эффективного обжалования действий избирательных комиссий или организаторов ДЭГ.

Еще одной мерой, направленной на минимизацию рисков при ДЭГ, выступает установление паритетного доступа кандидатов и партий к информационной и цифровой инфраструктуре, включая правовое урегулирование цифровой агитации, прозрачность алгоритмов распределения информации в онлайн-пространстве и регулирование доступа к избирательной платформе.

Также необходимо организовать юридическую институционализацию цифрового наблюдения, включая участие независимых наблюдателей, представителей кандидатов и технических специалистов при обеспечении процедур голосования, хранения и подсчета голосов и разработать междисциплинарные стандарты цифровой доверенности – правовых, технических и этических критериев, которым должна соответствовать платформа для голосования (включая открытость исходного кода, использование криптографических технологий и блокчейна, безопасность персональных данных).

Во-вторых, параллельно с правовыми реформами необходимо принятие комплекса политико-управленческих решений, ориентированных на формирование доверительной среды и укрепление институциональной устойчивости избирательной системы:

1. Переход от закрытых решений к инклюзивным моделям управления выборами, включая открытые обсуждения архитектуры электронного голосования, участие экспертов, представителей гражданского общества и политических партий на всех этапах разработки и внедрения систем.

2. Создание независимого органа или платформы цифрового электорального мониторинга, осуществляющего экспертизу технологий и протоколов ДЭГ, а также формирующего публичные рекомендации по корректировке процедур.

3. Проведение поэтапной апробации новых форм электронного голосования, начиная с добровольного применения в ограниченном территориальном или категориальном масштабе (например, для избирателей, находящихся за рубежом), с обязательным подведением научной и правовой оценки результатов.

4. Внедрение программ цифровой избирательной грамотности, направленных на снижение цифрового неравенства среди избирателей, повышение их информированности и критической восприимчивости к цифровым угрозам и манипуляциям.

5. Обеспечение технологического суверенитета в сфере избирательной инфраструктуры путем использования открытого программного обеспечения, национальных систем шифрования и цифровой идентификации, что снизит зависимость от внешних вендоров и повысит безопасность выборов.

Современные вызовы нельзя решать методами правового отрицания. Отказ от ДЭГ как инновационной формы реализации избирательных прав, к которому прибегли некоторые государства, – мера скорее вынужденная и ситуативная, чем системно оправданная. Такой отказ может привести к технологической и институциональной стагнации, утрате глобальной конкурентоспособности и снижению эффективности публичного управления.

Выводы

В условиях цифровой трансформации публичной власти дистанционное электронное голосование представляет собой не только технологическое новшество, но и институциональный вызов, требующий системного конституционно-правового осмысления. Установлено, что цифровизация избирательных процедур порождает напряженность между требованиями эффективности и скорости с одной стороны и принципами легитимности, прозрачности, правовой определенности – с другой. Современное законодательство Российской Федерации демонстрирует фрагментарный и неполный подход к нормативной регламентации ДЭГ, что ставит под угрозу реализацию базовых избирательных прав, включая свободу и тайну голосования, равенство кандидатов и правовой контроль за процедурами.

Выявленный правовой пробел в регулировании электронного волеизъявления не только нарушает стандарт правовой определенности, но и трансформирует саму правовую природу избирательного процесса как института представительной демократии. При этом международная практика демонстрирует возможность поэтапной, институционально выверенной интеграции цифровых технологий в электоральную систему при условии соблюдения правовых гарантий и технической достоверности. Дальнейшее развитие института электронного голосования должно основываться на конституционной модели выборов, ориентированной на обеспечение публичного доверия, юридической предсказуемости и правовой ответственности. Концептуальный подход к цифровизации выборов требует согласования технологических решений с фундаментальными конституционными принципами, что предполагает не запрет, а нормативную интеграцию инноваций в рамки правового государства.

Список источников

1. Петрова С. В. Политические процессы в Российской Федерации в условиях глобальной цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 173-176. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-173-176
2. Петрова С. В., Сидорова А. В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 192-196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
3. Филиппов А. Якоб Таубес: к политической теологии / Таубес Я. Сопряжение противостремительного. М.: Ad Marginem, 2021.
4. Ильичева М. В. Трансформация взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 28-37.
5. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 3. С. 315-328.
6. Степанян С. А. Конституционно-правовое регулирование технологических инноваций в избирательном процессе Российской Федерации и их влияние на права человека // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сб. докладов X Московского юридического форума. В 3 ч. М., 2023. С. 304-306.
7. Степанян С. А. Цифровизация электоральных процедур и обеспечение доверия граждан к избирательному процессу // Избирательное законодательство и практика. 2024. № 2. С. 36-38.
8. Ларичев А. А., Ржановский В. А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 9. С. 35-52.
9. Колюшин Е. И. Правовые проблемы дистанционного электронного голосования избирателей // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 25-30.
10. Борисов Я. Е., Афанасова М. А. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан России при использовании электронных технологий // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 4 (62). С. 3-10.
11. Брикульский И. А. Между правом и забвением: конституционные стандарты дистанционного электронного голосования // Электоральная политика. 2024. № 1 (11). С. 1.
12. Мартюшов Я. В. Дистанционное голосование как средство цифровой демократии // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3 т. М., 2024. Т. 1. С. 165-167.
13. Эбзеев Б. С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
14. Лопатин А. И. Народный суверенитет и избирательные права граждан: монография. М.: Проспект, 2024. 280 с.
15. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашев. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2023. 240 с.
16. Bundesverfassungsgericht. Judgment of 3 March 2009 – 2 BvC 3/07, 2 BvC 4/07 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/03/cs20090303_2bvc000307en.html.
17. Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
18. Юнусова А. А. Достоинства института избирательного права современной России / Конституция Российской Федерации: 30 лет со дня принятия: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2023. С. 316-322.

References

1. Petrova S. V. Political processes in the Russian Federation in the context of global digitalization // State and municipal administration. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2019;(4):173-176. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2019-1-4-173-176>
2. Petrova S. V., Sidorova A. V. The system of remote electronic voting in the Russian Federation and ways to improve electronic democracy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):192-196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>
3. Filippov A. Jacob Taubes: towards political theology. In: Taubes Ya. *Coupling the extreme*. Moscow: Ad Marginem; 2021. (In Russ.)
4. Ilyicheva M. V. Transformation of interaction between the state and civil society in digital reality. *Proceedings of Tula State University. Series: Humanities*. 2020;(4):28–37. (In Russ.)
5. Yastrebov O. A. Artificial intelligence in the legal space. *Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences*. 2018;(3):315–328.
6. Stepanyan S. A. Constitutional and legal regulation of technological innovations in the electoral process of the Russian Federation and their impact on human rights. In: *Sustainable development of Russia: a legal dimension: collection of reports of the X Moscow Legal Forum*. At 3 a.m., 2023;304–306.
7. Stepanyan S. A. Digitalization of electoral procedures and ensuring citizens' trust in the electoral process. *Electoral legislation and practice*. 2024;(2):36–38. (In Russ.)
8. Larichev A. A., Rzhzanovsky V. A. Development of remote electronic voting in Russia: constitutional and legal aspect. *Journal of Russian Law*. 2022;26(9):35–52. (In Russ.)
9. Kolyushin E. I. Legal problems of remote electronic voting of voters. *Constitutional and municipal law*. 2020;(2):25–30. (In Russ.)
10. Borisov Ya. E., Afanasova M. A. Constitutional and legal protection of the electoral rights of Russian citizens using electronic technologies. *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. 2024;4(62):3–10. (In Russ.)
11. Brikul'skiy I. A. Between law and oblivion: constitutional standards of remote electronic voting. *Electoral politics*. 2024;1(11):1. (In Russ.)
12. Martyushov Ya. V. Remote voting as a means of digital democracy. In: *Traditions and innovations in the system of modern Russian law: proceedings of the International Congress of Young Scientists*. In 3 volumes, Moscow, 2024;(1):165-167. (In Russ.)
13. Ebzeev B. S. *Constitutional law of Russia: textbook*. Moscow: Prospekt; 2019. 768 p. (In Russ.)
14. Lopatin A. I. *National sovereignty and electoral rights of citizens: a monograph*. Moscow: Prospekt; 2024. 280 p. (In Russ.)
15. Radbruch G. *Philosophy of law*. Translated from German by Yu. M. Yumashev. 2nd ed. Moscow: International Relations; 2023. 240 p. (In Russ.)
16. Bundesverfassungsgericht. Judgment of 3 March 2009 – 2 BvC 3/07, 2 BvC 4/07 [Electronic resource]. Available from: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2009/03/cs20090303_2bvc000307en.html.
17. Hayek F. A. *Law, legislation and freedom: A modern understanding of liberal principles of justice and politics*. Translated from English by B. Pinsker and A. Kustarev; edited by A. Kuryaev. Moscow: IRISEN; 2006. 644 p. (In Russ.)
18. Yunusova A. A. Advantages of the Institute of Electoral Law of modern Russia. In: *Constitution of the Russian Federation: 30 years since its adoption: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Perm, 2023:316-322. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Петрова – доктор политических наук, доцент, декан факультета экономики и права, Сочинский государственный университет.

Information about the author

S. V. Petrova – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Dean of the Faculty of Economics and Law, Sochi State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 30.05.2025.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 30.05.2025.